

МИФЫ И СЮЖЕТЫ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА 1919 — НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ¹

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра Первого

Поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье на материале рассказов И. А. Бунина 1920-х годов анализируются прозаические произведения малой формы: «Готами» (1919), «Темир-Аксак-Хан» (1921), «Ночь отречения» (1921), написанные в эмиграции. Их объединяет тема утраченной Родины и памяти о ней. Обращение к священным текстам мировых религий — индуССко-буддийской философской этике, учению пророка Мухаммеда, Священному Писанию, являлось для писателя не только источником вдохновения и средоточием тысячелетней мудрости, но и важными жизненными ориентирами, которым надлежит определять нравственное самосознание человека в эпоху исторических катаклизмов.

Ключевые слова: Бунин, миф, сюжет, рассказы 1920-х годов, буддизм, мусульманство, христианство, духовные первоосновы человечества, религиозная метаистория.

Abstract: in the article based on the stories of I. A. Bunin of the 1920s analyzes the prose works of small form by "Gotami" (1919), "Temir-Aksak-Khan" (1921), "The Night of Renunciation" (1921), written by I. A. Bunin in exile. Stories are united by the theme of the lost homeland and its memory. Appeal to the sacred texts of world religions — Hindu-Buddhist philosophical ethics, the teachings of the prophet Muhammad, Holy Scripture, was for the writer not only a source of inspiration and the focus of millennium-old wisdom, but also important life guidelines that should determine the moral self-consciousness of a person in the era of historical cataclysms.

Keywords: Bunin, myths, the stories of the 1920s, Buddhism, teachings of the prophet Muhammad, Christianity, spiritual fundamental principles of mankind, religious meta-history.

С 20-х гг. XX в. в творчестве Бунина заметно эволюционирует жанр лирико-философского рассказа, в котором отмечается сплав образного и философско-рефлективного путей постижения бытия в контексте философской эстетики Востока. Известно, что писатель испытывал «органическое, наследственное тяготение» к Востоку на протяжении всего творчества («Братья», «Сны Чанга», «Темир-Аксак-Хан», «Смерть пророка» и множество стихотворений 1900–1916 годов).

Обращение Бунина к теме Востока было обусловлено проявившейся уже в его раннем творчестве тенденцией к постановке глобальных вопросов человеческого бытия. Склонность к философскому осмыслению действительности, стремление найти ответы на самые важные вопросы — жизни и смерти, цели и смысла существования, соотношения судьбы отдельного человека с миром природы и судьбами всего человечества, — все это предопределило обращение писателя к философско-этическим системам различных стран и исторических эпох. В этом смысле Востоку принадлежит особое место, Буниным он воспринимался как хранилище древней мудрости, истин и тайн, дарованных человечеству, но забытых

и безвозвратно утраченных им. Для Бунина Восток одновременно и «кладбище мира», и «царство солнца», которому «принадлежит будущее».

Поэтические впечатления от трех больших путешествий на Восток (в апреле 1903 года — в Константинополь; весной 1907 года — по Палестине, Сирии и Египту (впервые с В. Н. Муромцевой, ставшей его гражданской женой); и с конца 1910 до середины апреля 1911 года — снова через весь Ближний Восток, Египет, Нубию до Цейлона, дали огромный материал для многочисленных рассказов, стихов, для путевого очерка «Воды многие» и для цикла путевых поэм «Тень птицы». В эти годы каждое третье стихотворение Бунина посвящено миру Востока. Приобщение к древним культурам и религиям, зародившимся на Востоке, стало для Бунина еще одним опытом переживания первобытного состояния мира и человека. Прежде, в дореволюционный период, он почувствовал их в природном Бытии, — теперь, в эмиграции, то же содержание глубокой укорененности личности в мире, взаимосвязанности всего перенеслось на пространства иных времен и культур. «Для истинного поэта, в сущности, нет ни пространства, ни времени. Он живет всюду, и современность ограничить его не может: века исчезают под властью его воображения, и в прошлом он чувствует себя, как бы в настоящем, ибо, перевоплотившись, он является уже современником прошлого. Грани между дей-

¹ К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина.

ствительностью и воображением стираются, поэт живет не только своей, но и тысячами чужих жизней. У Бунина эта способность перевоплощения изображена с поразительной отчетливостью... Плодом этой жажды во всем человечестве и явились Соломон, Будда, Толстой и многие другие великие люди. И эта жажда не бесследна: все они, познавшие тщету существования, сознающие обманчивость и горечь «бывания», чувствуют его несказанную сладость, страдают и радуются, воплощают свои переживания в слове. Слово для них единственное прибежище: они властвуют при помощи его, при помощи его они делают себя бессмертными, но и оно властвует над ними, без него они жить не могут [1].

Обращение писателя к теме Востока в послереволюционный (эмигрантский) период являет собой уход от социальных катаклизмов и потрясений в гармоничный мир духовных первооснов человечества. «Общей темой оказывается не пейзаж, а весь мир, космос, поэзия «о себе» «сегодня» превращается в лирическое и философское высказывание о мировой душе, времени и бесконечных переключках памяти между предками и потомками» [2].

События Первой мировой войны стали для России кануном величайший потрясений. Поэтому в начале века особо значимым представляется обозначенный Буниным «духовный вектор» проблем человека, его отношения к вере, традициям и мировым духовным основам человеческого бытия. При этом опорой бунинскому творчеству опять-таки служили как литературные источники, так и священные тексты мировых религий — индуско-буддийская философская этика, учение пророка Мухаммеда, Священное Писание, которые являлись для писателя не только источником вдохновения и средоточием тысячелетней мудрости, но и важными жизненными ориентирами, которым надлежит определять нравственное самосознание человека в эпоху катаклизма. «Парадокс Бунина-ориенталиста состоял в том, что уход от социальных потрясений, чем в известной мере было его движение на Восток, привел поэта к художественным открытиям, содержащим подчас зерна тех самых идей, борьба за которые, в сущности, и вызывала социальные столкновения у него на Родине» [3].

Рассказы И. А. Бунина «Готами» (1919), «Темир-Аксак-Хан» (1921), «Ночь отречения» (1921), являясь своеобразными творческими дневниками религиозно-философских исканий писателя, в ряду других произведений 1920-х годов с восточной тематикой занимают особое место в его творчестве. Их значимость в художественном наследии писателя обусловлена не только мифологической тематикой, но и временем написания. Переживания революционной современности не прошли даром для лирического таланта И. А. Бунина, он пишет рассказы «Темир-Аксак-Хан», «Готами», «Ночь отречения» в трагичный период российской истории, обращается к мифологическим сю-

жетам на фоне современного кризиса цивилизации, разложения всех глубоких христианских основ его. Выбранные нами произведения объединены мотивами всемирной «тоски всех стран и всех времен», как отражение мотивов революционного времени: прощания, разлук, потерь, скорбей.

В рассматриваемых нами произведениях, прибегая к опыту мировых религий, Бунин показывает то общее, что позволяет осознать российскую революционную эпоху в общем потоке мировой религиозной метаистории.

По мнению литературного критика Д. Л. Тальникова, суть художественного искусства Бунина 1920-х годов заключается в новом подходе к старому, поскольку конкретное художественное творчество, связанное тесно с современностью, не может не быть в своем вечном и отражении этой мятущейся современности. Автор утверждает, что произведения Бунина «Готами», «Темир-Аксак-Хан», «Ночь отречения» говорят о трагедии метафизического одиночества, но одиночество это и вся атмосфера жизни, рождающая трагедию его героя, носят на себе печать не только частного, личного, а общего, типичного, приобретают глубокий социальный смысл. «В основе этих поэтических мифов-притч лежит драма, эти произведения — «социальные поэмы» наших дней, выражение общей трагедии современного человечества, зашедшего в духовный тупик, которое не может себя чувствовать счастливым, не может быть им. «Теперь мудро-грустный, стоя у врат «метафизической» обители жизни, Бунин впервые говорит о религиозной правде смиренных» [4, 962–963].

Таким образом, в творчестве писателя в 1920-е годы заметно усилилась религиозная насыщенность проблематики, которая проявилась в активизации религиозных тем, сюжетов, мотивов, того, что времени и смерти неподвластно. В 1920-е годы у И. Бунина актуализируется стремление найти в мировых религиях общее, сближающее и примиряющее народы в атмосфере апокалиптической катастрофы и межнациональных распрей. Именно поэтому для писателя было так важно обратиться к мировому религиозному опыту человечества, запечатлеть бытие человека не временное и искаженное, а вечное, метафизически просветленное. Доминирует тема человека как носителя культурной памяти и религиозного императива, где культурная память не просто хранилище фактов прошлого, а непрерывно функционирующее реконструирующееся воображение, тем самым актуальное на все времена.

Известно, что в 1919 году Бунин почти ничего не пишет. В Одессе в 1919 году автор перепечатывает ранее написанные рассказы 1916 года («Отто Штейн», «Петлистые уши», «Соотечественник», «Сны Чанга» и др.), пишет и публикует в «Южном слове» (1920, № 114, 4 января) первый за этот период рассказ «Готами», позже в 1921 г. появляются «Темир-Аксак-Хан»

и «Ночь отречения». Уходя от страшной реальности, писатель использует мифологические сюжеты для создания своих рассказов. Исследование человеческой души в разных ее проявлениях и утверждение ее величайшей значимости — пожалуй, главная тема в творчестве И. А. Бунина. Рассказы «Готами» (1919), «Темир-Аксак-Хан» (1921), «Ночь отречения» (1921), написанные примерно в одно время, при всех видимых различиях имеют много общего [5].

Герои Бунина — Готами, Темир-Аксак-Хан, Ученик — лучшие из лучших представители всемирного братства всего живущего: носители мировой тоски по общей любви и милосердию; олицетворение всех тех, кто лишен прав в нашем мире, всего сущего, по-настоящему чувствующего и мыслящего; символы примиряющего и всепрощающего братского единства.

В одном из разговоров 28 января 1919 года, записанных В. Н. Буниной, Бунин говорит следующее: «Вообще, только тот народ силен, который религиозен... Религия, как и поэзия, должна идти от земли... В религии необходимо, познав плоть, отрешиться от нее. И тут он очень хорошо рассказал о Будде, о его последней ночи в семье перед бегством. Затем перешел к Христу, к искушению...» [6, 978].

Таким образом, по мысли Бунина религиозность представляет собой духовную свободу от всего плотского и тленного, что, в отличие от внешней свободы, означает власть человека над своим эгоизмом, своими страстями, греховными чувствами, желаниями — над самим собой. Такой свободы достигают герои Бунина Готами, Темир-Аксак-Хан, Ученик, очистившиеся от страстей. Будучи духовно свободными, они выстроили свои жизни в согласии с принятыми религиозными догмами. Таков, по мысли писателя, идеал, приблизиться к которому удастся немногим, этими немногими и становятся герои писателя — служители разных религий буддизма (Всепробудительного) и мусульманства (Пророка), объединенные своим желанием очистить свою плоть и приблизиться к своему божеству. Так, в рассказе «Ночь отречения» герой — Ученик Будды стремится к просветлению; в рассказе «Готами» героиня с «душой простой и нетребовательной», смиренная и «всякому приказанию она была послушна», «приготовляет» себя «в среду Братии Желтого облачения»; Темир-Аксак-Хан, прежде богатый и красивый хан, которому в старости нечего больше желать, понял он, что «все суета и скорбь под солнцем». По жанру произведения являются стилизованными религиозными притчами.

Жизнь героини одноименного рассказ «Готами» есть «приготовление» себя к приходу «под сень Благословенного». В соответствии с учением буддизма, вставший на путь просветления должен отказаться от земных страстей для достижения наивысшего предела духовной жизни. Готами бесхитростна, послушна, покорна, трудолюбива, с душой беззлоб-

ной, «простой и нетребовательной», что сущностно отличает ее от других людей селения. Однажды её заметил царский сын и сделал своей наложницей. Будучи очень покорной, покорилась она царскому сыну, с радостью приняла свою беременность, рождение дитя и даже холодность царского сына. «И была до времени счастлива, приготавливаясь, сама того не ведая, к тем великим скорбям, что должны были прийти на законную смену этому счастью и направить ее на путь едино истинный, в среду Братии Желтого облачения. Блаженны смиренные сердцем, расторгшие Цепь» [4, 25]. Среда Братий Жёлтого облачения — это есть община последователей Будды. По преданию, когда царевич Сакия-Муни (впоследствии Будда) покинул отчий дом, чтобы посвятить свою жизнь служению человечеству, он обменялся одеждой со встречным нищим, отдав ему своё царское одеяние, и оставил себе только жёлтый охотничий плащ. С той поры все его ученики должны были носить плащи жёлтого цвета.

Имя героя одноименного рассказа Бунина «Темир-Аксак-Хан» (с пометой писателя «Легенды и предания Крымских татар») — буквально переводится «железный хромец», так называли легендарного Тамерлана. В рассказе речь идет о теще земной славы и богатства. Испив чашу жизни до дна, чашу земных утех, герой Темир-Аксак-Хан приобрел способность усмирить земную плоть: «Не было во Вселенной славнее хана, чем Темир-Аксак-Хан. Весь подлунный мир трепетал перед ним, и прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его. Но перед кончиною сидел Темир-Аксак-Хан в пыли на камнях базара и целовал лохмотья проходящих калек и нищих, говоря им:

— Выньте мою душу, калеки и нищие, ибо нет в ней больше даже желанья желать!» [4, 35].

Сказание о Темир-Аксак-Хане — это песня песни о том, «что все суета и скорбь под солнцем, в эту темную и влажную ночь с отдаленным шумом невидимого моря, с запахом весеннего дождя, с беспокойным, до самой глубины души проникающим ветром» [4, 36]. На наш взгляд, в произведении переплетаются две религиозные традиции: буддизм и христианство. Писатель в рассказе подошел к мудрости «Екклесиаста»: «Все суета сует». «И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!». Сам Соломон сказал: «трудись в юности, прежде нежели пришло время, в которое речеши: несмы ми в нем хотения» [7].

По воспоминаниям М. Алданова, именно этому рассказу суждено было доставить последнюю радость в жизни умирающему писателю. Он получил за три дня до своего конца «номер студенческого журнала, в котором была восторженная статья о нем... Несмотря на всю славу, Бунин был до конца своих дней

чувствителен и к лестным, и к нелестным отзывам. В этой статье его, вероятно, обрадовало еще и то, что писал молодой критик: значит, читает, восторгается и молодежь. Автор цитировал рассказ «Темир-Аксак-Хан», написанный Буниным более тридцати лет тому назад» [4, 512]

Значимость для Бунина образа Темир-Аксак-Хана подтверждает в своих записях В. Н. Муромцева, которая вспоминала, что рассказ этот она читала Ивану Алексеевичу в одну из его последних ночей. «И он, прослушав, со вздохом сказал: «Выньте мою душу, калеки и нищие, ибо нет в ней больше желания желать» [4, 512].

В основу рассказа «Ночь отречения» положена буддийская легенда. Вспомним, что действие рассказа разворачивается на фоне разбушевавшейся стихии и представляет собой диалог человека с высшим божеством, очевидно, с Буддой, хотя прямого обозначения образа в тексте нет. Герой Ученик обращается к божеству Учителю как к «Возвышенному, Святому, Всепросветленному, Победившему Желание. Однако суть сюжета сводится к искушению героя Марой. Герой рассказа — буддийский монах, стремящийся преодолеть искушения Мары, искушения земной жизни со всеми ее страстями, желаниями. Интересно снова отметить, что положенная в основу сюжета буддийская легенда органично переплетается с библейскими микросюжетами. В финале рассказа буддийская легенда и христианский сюжет как бы сливаются: Великое божество, Будда, с которым беседует герой, произносит слова, почти полностью повторяющие слова Христа, обращенные к апостолу Петру. В рассказе Всепросветленный говорит: «Истинно, истинно говорю тебе, ученик: снова и снова отречешься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни, в эту ночь земной весны» [4, 40]. В Евангелии это звучит так: «Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» [8]. Таким образом, причудливое сочетание двух совершенно различных сюжетов, представленных в авторской интерпретации как единое целое, изложены не как религиозная философия автора, а как поэтическая притча, суть которой не в религиозной догме, а в постижении человеческой души.

Хорошо известно, что, стремясь познать универсальные законы бытия, Бунин интересовался и увлекался разными религиозными учениями и искал общее в мировых религиях. Сложность вопроса о религиозной позиции Бунина, обусловившая столь различные точки зрения, на наш взгляд, во многом связана и с тем, что артистическая, обостренно чувственная природа бунинского художественного дара позволила ему действительно «познать тоску всех стран и всех времен». «И кажется, что Бунину и «ислам близок», и буддизм свойствен, и языческие верования присущи» (Бердникова) [9].

Мифологическое время представленных выше рассказов-притч И. А. Бунина «Готами» (1919), «Темир-Аксак-Хан» (1921), «Ночь отречения» (1921) предстает как необратимое, единое и невосстанавливаемое время, как «некое мифическое вечное настоящее», которое актуализируется писателем: все события в рассказах имеют свой священный первообраз в мифе, способный их объяснить и наполнить первозданным смыслом.

Неприятие революционного хаоса настоящего побуждает Бунина как носителя мифологического сознания к сакрализации, возвращению к «началу», ибо приобщение к вечному означает достижение покоя, постоянства и гармонии.

«Сакральное время» создается (осваивается) носителем мифологического сознания посредством последовательной кодировки, с помощью ограниченного количества коррелирующих друг с другом мифологических констант, которые осуществляют ориентацию реалий в пространстве (верх/низ, земля/небо, вода/суша), во времени (день/ночь), в социуме (мужчина/женщина, Учитель/ученик, похожий /иной).

В рассказах-притчах «Готами» и «Темир-Аксак-Хан» главные коррелирующие константы похожий/иной. В одноименном рассказе Готами изначально с рождения непохожа, сущностно (онтологически) отлична от других, окружающих ее людей, отмечена печатью избранности: «была она душой проста... послушна... неумна была среди людей» [4, 22]. Но в этом и была ее «инаковость», Готами была «блаженна», отмечена Благословенным.

В начале рассказа «Темир-Аксак-Хан» молодой герой отличен от других богатством, славой и красотой: «Не было во Вселенной славнее хана, чем Темир-Аксак-Хан. Весь подлунный мир трепетал перед ним, и прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его» [4, 35]. И «перед кончиною» герой отмечен печатью избранности у Всевышнего: «до дна» испил он «чашу земных утех»: «Но перед кончиною сидел Темир-Аксак-Хан в пыли на камнях базара и целовал лохмотья проходящих калек и нищих, говоря им: «Выньте мою душу, калеки и нищие, ибо нет в ней больше даже желания желать!» [4, 35].

В стилизованной буддийской легенде «Ночь отречения» мифологизация пространства текста осуществляется посредством коррелирующих констант Учитель/ученик. На фоне «мрачной бурной ночи» и разбушевавшейся стихии происходит диалог ученика Будды с высшим божеством Буддой-Учителем.

Таким образом, используя мифологический сюжет для создания метафизической реальности, Бунин высвобождается из-под гнета профанного мира, катастрофичной истории, выходит за рамки времени хронологического и становится причастным сакральной истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кульман Н. «Цикады» Бунина / Н. Кульман // Возрождение. 1925.—17 декабря.— № 198.— С. 3–4. / <http://www.emigrantika.ru/>
2. Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: диссертация доктора филологических наук / Двинятина Т. М.— http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2018/03/Dvinyatina_avtoreferat.pdf.
3. Тартаковский П. И. Русские поэты и Восток (Бунин, Хлебников, Есенин) / П. И. Тартаковский.— Ташкент: Издательство «литература и искусство им. Гафура Гуляма», 1986.
4. Летописи жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С. Н. Морозов.— М.: ИМЛИ РАН, 2017.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. / И. А. Бу-

нин.— М.: Художественная литература, 1967.— Т. 5. В дальнейшем тексты произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием страницы.

6. Летописи жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С. Н. Морозов.— М.: ИМЛИ РАН, 2017.
7. Книга Екклесиаста или Проповедника. Глава 12:1. // — Режим доступа: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/468>.
8. Евангелие от Матфея. Глава 26: 34. // — Режим доступа: <https://avs75.ru/bible.html>.
9. Бердникова О. А. Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И. А. Бунина. / О. А. Бердникова.— Режим доступа: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458029841.pdf.

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра Первого

*Скрипникова Т. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранного языков
E-mail: skripnikova77@rambler.ru*

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

*Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: skripnikova77@rambler.ru*